

Потоцкая Я.В.

КОНСТРУКТИВНЫЕ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ ФУНКЦИИ НАЦИОНАЛИЗМА

Национальные и этнические проблемы являются одними из наиболее острых и болезненных в современном мире. Тенденция усиления национального элемента прослеживается в идеологическом обосновании государственной политики ряда стран Центрально-азиатского региона. Дальнейшее развитие в этом направлении приводит к проблеме безопасности, в данном случае, к столкновению демократии и национализма.

Согласно современной теории аффилиации, каждому человеку в той или иной степени присуща потребность принадлежности к группе. Для большинства людей в неустойчивой ситуации переходного общества семейная и этническая принадлежность (восприятие себя членом «семьи» - маленькой или большой) становится наиболее приемлемым способом вновь ощутить себя частью некоего целого, найти психологическую поддержку в традиции. Отсюда – повышенное внимание к этнической идентификации, потребность консолидации этнической общности, попытки выработки интегрирующего национального идеала в новых социальных условиях, «охранение» и обособление своей национальной мифологии, культуры, истории от других.

Чувство этнического единения возникает не только стихийно (из сходного жизненного опыта, объективной общности «крови» и «почвы»), но и формируется целенаправленно. Даже не разделяя крайних точек зрения о том, что этнос целиком и полностью «конструируется» элитой, необходимо признать: вера в наличие неких естественных связей между членами этнической общности значит больше, чем реальное наличие этих связей. В этом смысле, именно идеологи декларируют единство на основе общей истории этноса (о которой рядовой член общности может иногда иметь весьма смутное представление), единой культуры (несмотря на то, что в условиях господства массовой культуры, этнодифференцирующий аспект культура имеет, главным образом, лишь для интеллигенции), религии (хотя речь идет в большинстве случаев о мировых религиях, и православный алеут не менее православен, чем православный русский) и т.д.

Действенность идеологий, «замешанных» на национально-этническом чувстве, не вызывает сомнений. Отсюда – попытки использовать национализм в «смеси» с коммунизмом, фашизмом, монархизмом, клерикализмом, демократией и даже либерализмом.

Национализм, в отличие от либерализма, имеет высокие шансы на популярность среди людей переходного общества: он представляется борьбой порядка против хаоса. Этот порядок осознанно вносится в жизнь людьми, объединенными надличной целью (возрождением русской нации, например). Такая надличная цель обеспечивает не только единение человека с другими людьми, но и придает смысл его индивидуальному существованию. Кризис государственности, разрушение привычных ниш бытия, развал СССР, изменение образа жизни, - все это значительно увеличило число людей, выброшенных из нормальной, монотонной колеи жизни, разбудило их ото сна. Но, проснувшись, люди ищут ответа на «последние вопросы» – вопросы о смысле своего существования. Они легко получают ответ на эти вопросы у идеологий с авторитарной и тоталитарной окраской, когда личность приносится в жертву целому. Коммунизм, фашизм, национализм – могут дать такой смысл жизни миллионам своих последователей. Поэтому вполне рациональная и прагматическая установка идеологов на использование национальных чувств, для достижения тех или иных политических целей, может разбудить абсолютно иррациональную и непредсказуемую стихию национализма, тем более опасного, когда он является национализмом доминирующей нации.

Некоторые политики были счастливы, когда 15 республик бывшего Советского Союза стали суверенными государствами, каждое из которых опиралось на «титულную» нацию, полагая, что следствием данного процесса станет появление демократических наций-государств. В действительности же многие лидеры новых государств выступили на первых выборах с крайне националистическими (а не демократическими) лозунгами. Одной из возможных формул снижения конфликта между представителями «титулных» национальных групп и «мигрантами» является то, что Д. Лейтин называл «конкурентной ассимиляционной игрой».⁸¹ Суть ее заключается в том, что со временем интересы многих мигрантов из рабочего класса начинают требовать у них включения в конкурентный процесс ассимиляции, дабы повысить жизненные шансы их детей в новом окружении. Но вероятно ли это в случае русских в Средней Азии? В 1989 году среди жителей столицы Казахстана Алма-

⁸¹ Laitin D. The four nationality Games and Soviet Politics. – «Journal of Soviet Nationalities», Spring 1991.

Аты «титულიная» национальность – казахи – составляли всего 22,5%, тогда как русские – 59% (причем по-казахски из них говорили менее 1%). Аналогичным было соотношение [русских и представителей «титულიной» национальности] и в столице Кыргызстана Бишкеке 26% и 54% соответственно.⁸² В ситуации такого «поселенческого колониализма» любые надежды на добровольное создание нации-государства посредством конкурентной ассимиляции были бы тщетными. Если в подобных условиях когда-либо и появится нация-государство, это будет достигнуто недемократическими методами. Мало того, уже сама попытка создания нации-государства лишь стимулирует «колониальных поселенцев» к обращению за поддержкой к крайне националистическим российским лидерам.

В настоящее время большинство наблюдателей сходятся в том, что психологическое и эмоциональное влияние этничности уже нельзя далее игнорировать. Если мы признаем, что этническая идентичность является естественной основой политической организации и что национализм как идеология исторически доказал свою конструктивность, значит, любая теория государственного строительства должна предусматривать механизмы урегулирования межэтнического конфликта. В мире не так много стран, население которых состояло бы из одной основной этнической группы, и, соответственно, в большинстве государств придется согласовывать интересы всех проживающих там этносов. И здесь, опять же, решающую роль будут играть политические лидеры. К сожалению, позиции политических лидеров весьма часто бывают направлены не столько на достижение согласия, сколько на разобщение общества. Стремясь поднять людей на коллективное действие, политики могут весьма искусно апеллировать к верованиям группы, к ее представлениям об общности происхождения и наследия – ведь, как уже говорилось, этничность обеспечивает тот набор символов, опираясь на которые легче всего мобилизовать сторонников в целях политической конкуренции. Чтобы обеспечить реальные шансы на примирение и достижение компромиссов между соперничающими этническими группами, склонность политических лидеров к подобному использованию этнических символов должна быть ограничена. Политики в состоянии спровоцировать усиление межэтнической напряженности, но они же могут содействовать и ее ослаблению.

Если все иные идеологии и движения апеллируют к символам и ценностям, являющимся делом свободного выбора и предпочтения, то национализм претендует на «базовый оператор», не избираемый, а как бы заданный, считающийся природным. Известно, что нация – продукт истории и культуры, а не биоценоз. Но этническую принадлежность нельзя выбрать, ее социально наследуют, и этнический компонент – неустранимая составляющая любых толкований нации и всех исторических форм нациобразования. Человек рождается членом нации и не может ее потерять или приобрести, только скрыть. Этничность неявно присутствует, а временами приобретает повышенную значимость в самых либеральных и открытых выборе версиях нации.

Именно эта уникальность национализма определяет его функциональное предназначение. Именно она объясняет, отчего благие намерения позитивно использовать национализм, породив его с либерализмом и демократией, постоянно оборачиваются своей противоположностью.

Иногда думают, что достаточно каждому гражданину дать одинаковые с другими права, как все проблемы национального размежевания и соперничества будут разрешены. Но совпадают ли полностью права отдельной личности с правами народа в целом, каждого государства? Означает ли соблюдение прав человека право каждого народа иметь свое государство? Должно ли быть столько государств, сколько существует народов?

Известно, что государств меньше, чем этносов. Значит, не сам по себе этнос заключает в себе единственное и достаточное условие образования государства. Почему же сегодня мы считаем, что каждый народ должен непременно жить в собственном государстве?

Цена, которой оплачивается торжество национализма, – межнациональные конфликты. Деструктивность их очевидна: подрывается стабильность общества, растрачиваются силы и ресурсы, расширяются антидемократические тенденции в обществе.

Списывать все это на «непросвещенность» национального чувства нельзя, т.к. это «просвещение» не может происходить вне сферы воздействия национальной идеи, вне процесса ее утверждения и развития. Что в позитивном смысле составляет рост национального самосознания, обретение национальной идентичности и возрождение национальной самобытности. В негативном же смысле – усиление межнационального противостояния, пробуждение атавистических инстинктов толпы и стимулирование межнациональной розни.

⁸² Olcott M.B. Kazakhstan: A Republic of Minorities.- Bremmer I., Taras R. (eds.) Nations and Politics in the Soviet Successor States. Cambridge, 1993.

Национальная идея тем и отличается от либеральной, что пытается решить не только проблему правового равенства людей разных национальностей, но и проблему равенства наций в смысле их права на экономическое, политическое и культурное развитие.

Рассмотрим теперь проблему национализма, которую мы обозначили выше как один из главных вызовов демократии. Под национализмом мы будем понимать совокупность идеологии, политики и общественного мнения, направленных и служащих созданию и укреплению гражданского единства в рамках одного государства. Такое определение национализма, на мой взгляд, наиболее приспособлено для описания этого явления в Центрально-азиатском контексте. Дело в том, что национализм служит средством, интегрирующим в рамках государства людей, которые могут обладать различными идентичностями. В этом смысле этатическое понимание национализма более абсорбирует идею демократизма, чем его традиционно этническое понимание. Как заметили Х. Линц и А. Степан, "способность людей иметь множественные и взаимодополняющие идентичности, наряду с совместной политической "крышей" из охраняемых государством всеобщих и равных гражданских прав, и является тем ключевым фактором, который делает возможной демократию в многонациональных государствах"⁸³. Сравнивая явления "государства-нации" и "нации-государства", они пришли к интересному выводу, что "сочетание коллективных прав Национальностей или меньшинств в многонациональном, поликультурном обществе и государстве с охраняемыми государством правами индивидов является, наверное, наименее конфликтным способом артикуляции демократической политики, не нацеленной на создание нации-государства"⁸⁴

Отметим, что представление о множественности культурной и этнической идентификации в рамках одного государства-нации, т.е. одной политики, в условиях Центрально-азиатского региона легко может быть спроецировано на масштабы региона. Однако, что интересно, проекция национализма на субрегиональные или субнациональные масштабы обнаруживает явление микронационализма. На этом уровне мы наблюдаем проявления реликтовых форм общественных отношений, таких как клановые, семейно-родовые, местнические, в которых существуют определен-

ные зачатки демократизма. Элементы консенсуса при принятии решений, учета воли большинства, выборности лидера встречаются и на этом уровне. В этом смысле мы можем говорить о протодемократии на микронациональном уровне. Вместе с тем, протодемократия бросает вызов политике национализма и собственно демократии на общенациональном уровне. Это явление характерно для всех стран Центральной Азии. Дело здесь в том, что модернизация, о которой говорилось выше, а также зарождение капиталистических отношений - движущая сила национализма и предпосылка современной демократии - сопровождаются ломкой реликтовых, докапиталистических форм организации общества и политики. Это значит, что до тех пор пока не будет выработана определенная формула синтеза традиционного и современного и, тем самым, состоится урегулирование противоречия между микронационализмом и национализмом, демократия будет оставаться лишь перспективным проектом, не более.

Рассмотрим вкратце проблему соотношения демократизма и национализма под другим углом зрения. Широко распространен взгляд, что "демократия не стабильна, пока она не подкреплена фундаментом национализма в его нынешнем культурном и этническом понимании".⁸⁵ Действительно, национализм как "воля большинства" демократичен по определению. Например, такие проявления национализма, как забота о национальной безопасности (включая конфликтогенный вопрос о делимитации и демаркации границ), укрепление государственности и суверенитета представляют собой по сути заботу о спокойствии и мирной жизни народа и поэтому демократичны *априори*. Однако, Центральноазиатский контекст столь специфичен, что не позволяет останавливаться лишь на констатации демократизма, присущего национализму, без анализа особенностей последнего. Ведь ясно, что процесс постсоветского национального самоопределения охватил не только так называемые титульные нации всех стран Центральной Азии, но и так называемых национальных меньшинств, большинство из которых представляют собой диаспоры соседних наций. А диаспорами они оказались во многом в результате искусственного и произвольного разделения региона на пять республик. Произвольно проведенными оказались границы между республиками. Практически нигде административные границы не совпадали с этническими. Так появились на территории Кыргызстана такие анклавные, как Сох

⁸³ Х. Линц, А. Степан. Государственность, национализм и демократизация//Полис, № 5, 1997.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ И. Кудрявцев. Национальное «Я» и политический национализм// Полис, № 2, 1997.

и Шихимардан, на которые распространяется суверенитет Узбекистана, а также Ворух, принадлежащий Таджикистану.

Стремление стран региона укрепить свою государственность и создать полноценные границы породило не только естественные вопросы об исторической справедливости, но и множество спекуляций псевдоаналитиков, которые в своем националистическом порыве не только не способствуют авторитету и укреплению своих наций, но и подвергают их новому морально-политическому испытанию, связанному, в большинстве случаев, с ничем не обоснованной идеей пересмотра существующих границ. Таким образом, такой побочный эффект национализма, с одной стороны, неизбежно, побуждает правительства каждого Центральноазиатского государства принимать меры по укреплению национальной безопасности, с другой стороны, служит стимулирующим фактором, как говорилось выше, для тех кто последствиями произвольного проведения границ хотел бы воспользоваться в террористических и иных криминальных и политических целях. В результате мы сталкиваемся с известной дилемм-

мой национализма и дилемму демократии. Воплощение демократической по своей природе национальной идеи неизбежно сопровождается недемократической по характеру политикой национальной безопасности. В этом и только в этом смысле национализм как феномен дезинтеграционный, изоляционистский сужает пространство современной демократии, поскольку демократия, как и рыночная экономика, на современном этапе все более носят трансграничный характер (особенно в условиях данного региона).

Литература:

1. Laitin D. The four nationality Games and Soviet Politics. – «Journal of Soviet Nationalities», Spring 1991.
2. Olcott M.B. Kazakhstan: A Republic of Minorities.- Bremmer I., Taras R. (eds.) Nations and Politics in the Soviet Successor States. Cambridge, 1993.
3. Х. Линц, А. Степан. Государственность, национализм и демократизация//Полис, № 5, 1997.
4. Там же.
5. И. Кудрявцев. Национальное «Я» и политический национализм// Полис, № 2, 1997.